

День начала года «Общения и освобождения»

Медиоланум Форум, Ассаго (Милан), 29 сентября 2018 г.

Введение, сделанное Луиджи Джуссани

во время духовных упражнений культурного центра Шарля Пети

Вариготти, 1 ноября 1968 г.

Под редакцией Хулиана Каррона

Живет то,
что живет
в настоящем!

Живет то, что живет в настоящем!

День начала года «Общения и освобождения»

Медиоланум Форум, Ассаго (Милан), 29 сентября 2018 г.

Хулиан Каррон

Новое начало – это не что-то само собой разумеющееся, это благодать, недвусмысленный знак заботы Бога о каждом из нас. Какое потрясение, какая благодарность – осознать, что мы не брошены один на один с нашей ничтожностью! Каждый из нас принял эту благодать, о чем свидетельствует наше присутствие здесь. Поэтому, попросим у Духа Святого, породившего в нас решение приехать, чтобы Он распахнул все в нас, распахнул наше «я» и позволил принять эту благодать, попросим у Него, чтобы благодать эта не была в нас тщетной.

Гимн Святому Духу

Приветствую всех присутствующих и тех, кто подключился к нам в прямом эфире.

В этом году мы вспоминаем события шестьдесят восьмого года, случившиеся пятьдесят лет назад и ставшие, как все мы знаем, переходным моментом (Бенедикт XVI говорил о «цезуре» в нашей недавней истории), который, хотя и начался со справедливых требований (большей аутентичности и свободы), в конце концов поверг в кризис все наше общество.

Сегодня мы предстоим перед другим значительным переходным моментом, который папа Франциск называет «переменой эпохи» и для которого характерно то, что мы определили как крах очевидностей (сколько раз за последние годы мы со все возрастающей сознательностью повторяли это): вещи из сферы общественной и личной жизни, еще несколько десятилетий назад казавшиеся очевидными, для большинства наших современников таковыми уже не являются.

Непосредственным следствием этого стало крайнее замешательство, и все мы его замечаем. Один из крупнейших немецких социологов Ульрих Бек в своей последней книге, изданной посмертно, говорит буквально следующее: «Мир утратил ориентиры. Многие так считают. Мы блуждаем бесцельно, в растерянности, обсуждая за и против тех или иных вещей. С одной фразой соглашается большинство людей на всех континентах, несмотря ни на какие неразрешимые противоречия: „Я больше не понимаю мир“» (*La metamorfosi del mondo*. Bari: Laterza, 2017. P. XIII).

Многие задаются вопросом о том, с чего можно заново начать, от чего оттолкнуться.

Именно поэтому меня весьма поразило одно выступление отца Джуссани на встрече с группой взрослых людей, образовавшейся вокруг Культурного центра Шарля Пеги, который впоследствии стал «Общением и освобождением». Дело было 1 ноября 1968 года в Вариготти, в пик кризиса, в тот самый год охватившего «Студенческую молодежь». Джуссани выступает на фоне всеобщей растерянности и спрашивает себя, откуда можно все начать заново. Что способно действительно поддерживать жизнь в момент крайнего замешательства? Что в состоянии выстоять под ударами времени? Его ответ содержится в словах, которые мы сейчас услышим.

Когда их услышал я, они настолько поразили меня и показались мне настолько соответствующими нынешней ситуации, что я решил позволить и вам их услышать. Обратите внимание не только на слова, но и на тон голоса, на то, каким образом отец Джуссани обращается к немногочисленным членам Центра Пеги, которые его слушают.

Как мне кажется, важно, чтобы и наши друзья за рубежом, подключившиеся к этой встрече в прямом эфире, и те, кто проведет ее позднее, смогли услышать это выступление Джуссани, а не просто прочитать перевод. Это позволит и им вжиться в текст, над которым мы все будем работать в октябре.

Введение, сделанное Луиджи Джуссани во время духовных упражнений культурного центра Шарля Пеги

Вариготти, 1 ноября 1968 г.
Под редакцией Хулиана Каррона

Луиджи Джуссани

Проведем мгновение в молчании перед Богом, размышляя о том, зачем мы приехали, даже если у нас еще нет ответа.

Краткая пауза в молчании

Будем во всяком случае надеяться, что Господь по окончании этих дней даст нам с ясностью понять, зачем мы приехали, в той мере, в какой этой ясности недостает в начале.

Я никогда не чувствовал себя в таком затруднении и мне никогда не было так боязно говорить с этого места после пятнадцати лет, как в этот раз, потому что этот раз является словно последним плодом, высшим уровнем определенной истории. Так я уже касаюсь того, что для меня должно бы быть содержанием этих дней, я уже говорю по меньшей мере о том, сколь важным для меня должно быть содержание этих дней. Как если бы мы достигли сути того, что пятнадцать лет назад начали искать именно в этом месте. Страх же и затруднение связаны с ролью, которая все еще отведена моему голосу.

Все мы исполнены надежды на то, что эти дни скажут нам о чем-то, что они не просто не будут потерянными, но что они установят, утвердят нечто, позволят нам совершить необратимый шаг. Все мы на это надеемся, однако глубинное отличие этой встречи от всех предыдущих встреч, на которые мы собирались, заключается в следующем: надежда возложена уже не та что, что вам будет дано, она в вас. Речь уже больше не о надежде на то, что некий голос или обстоятельства могут дать вам эти дни, а о надежде, которую каждый должен возлагать – и, говоря «на себя», я не имею в виду независимость – на что-то внутри него, внутри вас. Скажем ясными, простыми словами: на этот раз надежда – в вас, эта надежда во мне и в тебе, в тебе и во мне, эта надежда на нашу личность или на то, что находится внутри нашей личности. Это надежда не на что-то внешнее, это надежда не на голос, не на обстоятельства, не на ситуацию, не на случай: надежда не в этом, надежда в том, что находится внутри нас. И потому я надеюсь на тебя, а не ты возлагаешь надежду на то, что, может быть, мне удастся сказать тебе.

По сути, именно это отличает инфантильную, подростковую аудиторию от аудитории взрослой, зрелой, поскольку в зрелой личности, во взрослом человеке драматичное событие жизни и ее смысла, ее ценности целиком и полностью разворачивается внутри него. Конечно, он не должен искать все факторы или определяющие факторы в независимости своей неповторимой личности. Напротив! Однако все, что определяет его ценность, заключено в нем самом: Бог или сатана, если хотите, призыв тайны Христа или утробный призыв мира – в тебе разворачивается их драма, в тебе звучит их призыв.

Как часто поражала нас фраза из Евангелия: «Сын Человеческий, придя, найдет ли еще веру на земле?» (ср. Лк. 18:8). Думаю, во всей нашей истории не было момента (момента во временном смысле слова), в который эта фраза, сказанная Христом с тоской, с печалью, казалась бы, могла бы ощущаться столь же актуальной, как сейчас: «Сын Человеческий, придя, найдет еще веру на земле?»

Именно веру мы ищем, именно веру мы хотим постичь, именно верой мы хотим жить. Кажется, все вокруг способствует, потворствует той действенной силе, которая пытается устранить, разрушить, выхолостить или свести эту веру к чисто рациональным категориям, к категориям натуралистическим, внутри и за рамками христианского мира, внутри больше, чем за рамками, сейчас. Мы ищем подлинную веру, мы ищем подлинность веры. Мы не ищем ничего иного. Именно поэтому слова, звучащие в эти дни, и работа, проделываемая в эти дни, знаменуют что-то, относительно чего каждый из нас рискует, рискует самим собой. Вот почему, прежде чем приехать сюда, мы постарались ясно высказать наше намерение. Мы готовы говорить со всем миром, идти куда угодно в этом мире, но нам нужен дом, нам нужно место, где слово будет словом, «выражением» чего-то, где отношение будет «сердцем», будет сердечным, где компания будет положительной, где слова будут иметь смысл и намерения будут иметь смысл, где хлеб будет хлебом, а вода – водой.

Поэтому, прежде чем приехать сюда, мы стремились к ясности и, выявляя в истории, особенно в истории последних лет и, в частности, последнего года, проблески окончательного видения вещей, намеки, начатки радикальной «версии» нашего способа мировосприятия, выявляя в опыте последнего года, последних лет эти начатки, эти первые проблески, эти первые знаки, мы сказали сами себе, что именно на них мы ставим нашу

личность, из-за них соглашаемся рискнуть нашей личностью. И потому они очерчивают периметр дружбы – основополагающего условия для того, чтобы человек мог стать самим собой, мог идти вперед, не встречаясь с непреодолимыми опасностями, с опасностями, которые невозможно осилить.

Поэтому, независимо от того, сколько нас, атмосфера в эти дни должна подпитываться духом глубокой и в то же время в высшей степени деликатной близости, близости тихой и деликатной, но глубокой, которая любит, желает, ожидает лишь своего прояснения, окончательного прояснения или прояснения все большего. В этом смысле понятно, почему надежда возложена каждым из нас на другого: надежда возложена на тебя и на меня, потому что она в твоей искренности, она – назовем вещи своими именами – в твоей нищете духа. Не интеллектуальное любопытство, а нищета духа должна сопровождать нас в этой компании завтра, послезавтра, в понедельник: нищета духа, подлинная нищета, а не убогая, не уродливая нищета, хотя Евангелие указывает на убогую, на уродливую нищету как на возможность, которой Бог пользуется, чтобы заставить человека идти до сути вещей; однако без нищеты духа даже самая черная нищета, конечно же, не становится возможностью для углубления, поскольку лишь обращение позволяет понять и наделяет смыслом, а обращение – именно в нищете духа.

Нищета духа, сказали мы. Коренной признак нищеты духа – слушание, позиция повторного слушания и слушания; повторного слушания того, что уже было нам дано, и дано обильно, поскольку Бог, будучи Творцом, Зодчим, не может уготовать для нас сейчас ничего, что не было бы связано с уже данным нам; слушания, поскольку Он Творец, а значит, каждое мгновение обладает новизной, впечатляющей новизной, напорающей на наше существование и подталкивающей его на путь или побуждающей на открытия и созидание.

Эти дни – событие, которое должно произойти внутри нас. Внутри нас должно произойти событие, ведь то, чем мы тут пытаемся заниматься, не некая ассоциация. Уже неплохо, говорил сегодня вечером один из вас, если мы уедем отсюда с пониманием, что хотим заниматься вовсе не некой ассоциацией, хотя дружба и ищет себе пути и утверждение в рамках конкретного организма. Наша цель – не ассоциация, а, если использовать слово, уже сказанное ранее, «вера», ясность, данная, определенная ясность веры. Потому что в таком случае твоя личность, преображенная изнутри, куда бы ты ни отправился, чем бы ни занимался, какие отношения ни устанавливал бы, будет составлять часть того организма, чувствительными партнерами которого мы являемся, – организма Христа в мире.

Не знаю, как выразить то, что бродит сейчас внутри меня, потому как мне хотелось бы этой предпосылкой очистить поле от любых препятствий, и я понимаю, что у меня не получается. Однако я понимаю следующее: слово «вера», как произнес его я, или слово «Христос», как произнес его я недавно, или словосочетание «организм Христа в мире», как опять же недавно я его произнес, – эти слова, да и все, что я произнес, отзываются во мне и в вас, среди всех нас разным эхом, и как же разнится это эхо! Для скольких из вас эти слова до сих пор, возможно, звучат как нечто внешнее. Как бы то ни было, ощущаете ли вы их внешними или глубоко вписанными в вашу личность (как ощущаю их я), наша цель в эти дни – обращение перед этими словами. Речь о событии, а не о договоренности чем-либо заниматься, не о структуре, о которой надлежит мыслить или которую надлежит спасти, речь о событии в нас самих, потому что взрослый человек впоследствии создаст и структуру как дело своих рук, если и в той мере, в какой внутри него будет лицо, которое эти слова должны определять, если у него достанет сердца, ума и сердца, содержанием которых должны быть эти слова.

Иоанн XXIII говорил о «знамени времени», ему нравилось говорить о «знамени времени» (см. Энциклику *Pacem in Terris*, 21). Воспользуемся и мы этим выражением и найдем знамение времени, касающееся воспитания в вере, нашего отношения, основанного на вере, нашего отношения с верой.

Мне кажется, что знамение веры можно определить так: пятнадцать лет назад, когда мы начали путь со «Студенческой молодежью», отправной точкой (каждый из вас помнит это), причиной (я не говорю, что для всех это случилось пятнадцать лет назад, речь идет о подходе, имеющем место до сих пор), отправной точкой для призыва, движущей силой, на которую мы пытались опираться, причиной, на которую мы пытались опираться, чтобы двигаться к единению, движущей силой, мотивом, на котором мы пытались созидать, обычно был тот факт, что мы родились в рамках определенной традиции, и неправильно было бы и дальше придерживаться этой традиции или ее оставить, даже не углубившись в нее. История обязывала нас к честности в ее отношении.

По моему опыту, это был определенный тип призыва, катализатор доброй воли, катализатор минимальной простоты сердца, которая еще оставалась. В любом случае, по моему опыту, именно этот тип призыва, именно эта причина привела в движение всех людей, пошедших с нами. Я говорю о ясно выраженной, теоретизированной, определенной причине, или движущей силе.

Итак, впечатляющий аспект знамени времени заключается в следующем: подобный тип призыва сегодня не выдержал бы, он уже не выдержал бы. Для молодых людей и для каждого из нас в той мере, в какой в нас еще остается немного молодости, традиции как мотива и призыва уже более не достаточно. Возможно, слово это в каком-то устой-

чивом и полном чувствительности темпераменте могло бы пробудить эмоцию и взволнованность, но не движущее вперед впечатление. Если бы я сейчас должен был бы предложить ребятам вступить в «Студенческую молодежь», не думаю, что воспользовался бы такой причиной.

Это правда, и можно даже объяснить почему. Наше время – время (как часто мы об этом говорили), когда история переживает в высшей степени критический момент, а значит, необходимо погрузиться в пересмотр и переворот вещей. История переживает момент, в который сходит на нет ее осознание: поглощенный и увлеченный делами настоящего, человек утрачивает сознание истории. С этой точки зрения, время вроде нашего, богатое необычайной энергией, богатое активными силами, еще совсем недавно немыслимыми, предельно нище духом, но не в евангельском смысле: это предельно нищая эпоха, потому что богатство духа по большей части есть феномен, событие синтеза, и сознание истории – высший признак богатства духа.

Однако существует и второй аспект этого знаменья времени, подтверждающий вопрос, который я начал ставить в первом наблюдении. Существует другой способ, с помощью которого больше нельзя начинать призывать. Другой способ, который, возможно, способен еще пробудить в умном человеке восхищение, но не движение личности, позволяющее ей перейти к чему-то новому, вовлечься в какое-то дело, в нечто окончательное, определяющее и окончательное. Сколько раз мы призывали таким образом! Дело не в том, что христианская философия жизни, христианский взгляд на мир, христианская теория существования являются более полными, являются полноценными в сравнении с другими, совершенными, уравновешенными, целостными, в высшей степени человеческими. Даже изумительная и совершенная теория не может двигать в наши дни молодыми людьми и каждым из нас, сохраняющих в себе нечто юное.

Традиция и теория, традиция и речи уже не в состоянии сдвинуть нынешнего человека. Я говорю о молодых людях, но тот минимум юности, который я упомянул ранее, остается в человеке на всю жизнь, поэтому и для нас это верно, это верно для человека взрослого и зрелого. Более того, для человека взрослого и зрелого такая проблема вообще не встает, поскольку, чтобы стать взрослыми в вере, необходимо преодолеть ее, нужно преодолеть чарующий призыв исторических причин и восхитительный призыв эстетики, истекающей из теоретического совершенства.

Чтобы сдвинуть современного человека с места, уже не подходят ни история, ни доктрина, ни традиция, ни речи. Христианские традиция и философия, христианские традиция и слова создали и до сих пор создают христианскость, а не христианство. Под христианскостью мы понимаем поток, течение, опознаваемое русло на равнине истории, характеризованное определенными способами выражения мысли, определенными способами восприятия, определенными нравственными правилами, определенными ценностями, на которых делается упор, определенным практическим подходом, определенными формами. Традиция и слова, традиция и христианская культура, традиция и богословие, если угодно, традиция и христианская доктрина создают некие формы.

Христианство – это нечто совсем иное, хотя христианство, разумеется, включает все перечисленное. Оно не только вновь обретает, но и превозносит ценность истории, позволяет традиции быть живой реальностью, восстанавливает философствование в глубоком смысле слова, наворачивает разумный порядок, и, более того, оно превозносит его настолько, что его превращает в живую реальность в нас. Одним словом, христианство это «то», благодаря чему традиция становится живой реальностью, благодаря чему живой реальностью становится развитие мысли, благодаря чему становится живущим прошедшее, благодаря чему становятся живущими мысль, идея и ценность.

Но живет то, что живет в настоящем! С методологической точки зрения, если мы не хотим запутаться, нам ничего не остается, как вернуться к истокам. Как все возникло, как началось? Как событие. Христианство есть событие. Христианскость – это социально-историческая колея, а христианство – событие. Христианскость – отчетливо проговоренные формы, а христианство – событие.

Спросим же себя: как люди начали верить? В чем заключалось событие, пробудившее такой интерес, произведшее такое впечатление, что люди впервые рискнули в отношении того, перед чем находились, что внутри людей впервые зажглась вера, что в мире появился христианин? О каком событии речь, какого рода было это событие?

Они поверили не потому, что Христос говорил определенные вещи, они поверили не потому, что Христос совершал чудеса, они поверили не потому, что Христос цитировал пророков, они поверили не потому, что Христос воскрешал мертвых. Сколько людей (подавляющее большинство) слышали, как Он говорил, слышали от Него те слова, видели, как Он совершал чудеса, и все же для них события не случилось. Событие было чем-то, частью чего являлись чудеса или слова, они являлись составляющими, факторами, но событие было чем-то иным, чем-то большим, настолько инаковым, что наделяло смыслом и слова, и чудеса. Люди поверили благодаря тому, каким предстал перед ними Христос. Поверили из-за Его присутствия, а

не из-за тех или иных деяний или слов. Они поверили из-за присутствия. Не из-за присутствия плоского и невыразительного, не из-за безликого присутствия: это было присутствие с очень конкретным лицом, присутствие, исполненное слова, то есть исполненное предложения. Люди поверили из-за присутствия, полного предложения. Присутствие же, полное предложения, есть, соответственно, присутствие, полное смысла. Каким термином можно наилучшим образом определить событие присутствия, полного предложения, полного смысла для жизни (потому что предложение – это смысл для существования)?

Есть одна деталь, одна характеристика, которую нужно еще раз подчеркнуть, которая не должна от нас ускользнуть. Не всякое присутствие, не любое присутствие полно смысла. Пардон, *не* любое присутствие, несущее в себе предложение, исполнено смысла настолько, чтобы подпасть под определение, которое мы собираемся дать. Присутствие, несущее в себе предложение, исполнено смысла настолько, чтобы его можно было определить словом, которое мы используем, только в той мере, в какой оно содержит в себе нечто непредвиденное, неожиданное и непредвиденное, то есть в той мере, в какой в нем есть радикальная новизна. Радикальная новизна, о которой я говорю, которую описываю в терминах «неожиданная», «непредвиденная», – это то, чего не было, и что есть, существует, то, чего не могло быть, и что есть. Что-то, чего не могло быть, и вот оно здесь. Что-то, чего не могло быть; иными словами, это не неизбежное следствие, логично вытекающее из всей предшествующей мудрости, из всего предшествующего опыта, всех предшествующих слов, из всей традиции. Это выражение некой “большей силы”, это выражение некой более великой силы, это присутствие некой более великой силы (можно по-разному ее определить), даже если довольно поспешно наше критическое сознание пытается свести это бесспорное впечатление, это впечатление, перед которым в первый момент невозможно устоять, даже если наше критическое сознание довольно поспешно пытается свести его к категориям прошлого, традиции или прежних речей, предыдущего философствования, предыдущей мудрости, предыдущего опыта.

Итак, если обобщить, речь идет о присутствии, полном предложения, а потому исполненном смысла, но в этом «потому» есть некоторая натяжка. Предложение полно смысла, присутствие, несущее в себе предложение, полно смысла в той мере, в какой содержит в себе нечто, не сводимое к прошлому, то есть к нашему настоящему, которое берет начало в прошлом. В этом и состоит радикальная новизна.

Хорошо, слово, описывающее это явление, – слово «возвещение». Христианство возникло как возвещение: это был человек, говоривший так, поступающий так, это был именно он, тот человек, говоривший и поступающий определенным образом, это был тот человек, он как целое, всё в нем, это было присутствие, полное предложения, исполненное смысла и ни к чему не сводимой новизны. Это был опыт ни к чему не сводимой новизны. Попробуйте подумать с духовным тактом, сдержанно, не боязливо, а скорее с трепетом, с глубокой тонкостью, говорящей о высшей степени нищеты духа, попробуйте подумать о той девушке, которая была у себя дома и получила возвещение, – о Богородице. Случилось нечто в конечном счете несводимое к предшествующим событиям, из которых было соткано ее настоящее. Так почему же поверили те несколько сотен человек сразу после того, как Дух сошел на апостолов? Почему они поверили, когда Петр начал кричать на площади? Почему? Они могли поверить только из-за любопытного факта, из-за того, что кто-то говорил, и его понимали на многих языках; только по интеллектуальной причине, оттого, что в речи своей он пересмотрел всю еврейскую историю в свете того Человека, Которого убили несколькими днями раньше. Возвещением было то самое, происходившее, событие, всеохватность события, которое задевало, в смысле производило впечатление, несло в себе что-то, что-то, что люди, естественно, не могли расшифровать и определить, но это что-то отличалось от всего: это была новизна, предложение – и еще какое предложение! – предложение, которое несло изменение. Они совершенно не могли распознать ценность и границы того изменения, и поэтому есть еще одно только слово, о котором сразу же напоминает слово «возвещение», и это слово «обращение».

Однако, чтобы не подчеркивать все эти детали, или, точнее, все эти следствия, лучше еще раз напряжем воображение и попробуем вжиться в тот момент: людей поразило событие во всей его целостности, они остались поражены и менялись из-за события, которое было исполнено смысла, нового, непредвиденного и неожиданного. Почему же жители Смирны или Афин, Мелита или Филипп, присоединились – те, кто присоединился, – к святому Павлу? Из-за слов, которые он говорил? Из-за дел, которые он совершал? В том числе! Из-за всего, что слово «возвещение» исчерпывающе описывает. Это было возвещение: присутствие чего-то, что предлагало изменение, новизну.

Есть в нашей истории, в истории предпринятых нами усилий термин, близкий к тому, который мы сегодня вечером попытались прояснить, и это слово «встреча». Действительно, смысл слова «встреча» является экзистенциально острым, экзистенциально веским лишь в том случае, если встреча совпадает с возвещением, с присутствием, исполненным смысла.

Есть особый признак, который я хочу отметить, чтобы вещи еще больше прояснились. Присутствие, несущее в себе предложение, есть возвещение, оно действительно наполняется смыслом, оно действительно является возвещением в той мере, в какой вовлекает в этот смысл человека, который его, смысл, несет. Возвещение есть присутствие человека, целиком вовлеченного в смысл мира, в смысл жизни. Что-то меняет

жизнь, что-то меняет нас, впечатление имеет экзистенциальный масштаб, то есть меняет существование в той мере, в какой несет в себе некое мировосприятие, некое видение мира. И потому возвешение есть присутствие, присутствие, исполненное смысла, присутствие, вовлекающее в этот смысл человека, который его внесет.

Человек, целиком вовлеченный в смысл мира и жизни, – вот кем был Христос для тех, кто Его слышал, вот кем был Петр для тех, кто его слышал, вот кем был Павел для тех, кто его слышал в нищете духа. А что происходит, когда недостает нищеты духа, прямо пропорционально тому, насколько ее недостает? Человек уже знает, думает, будто уже знает, и сводит все к тому, что уже знает, стремится свести все к тому, что уже знает. Лишь нищий духом может обогатиться, богатство доступно лишь ему: для других существует только истощение, или жизнь на ренту, которая есть истощение.

Все мы здесь потому, что каким-то образом это возвешение затронуло нас, потому, что каким-то образом присутствие, вовлекающее личность в смысл мира и жизни, было нам дано. Как бы то ни было, уже оттого только, что мы находимся здесь, возвешение это не могло нас не затронуть, не затронуло и нас тоже. Оно есть событие.

Я сказал, что мы всегда использовали слово «встреча», однако слово «встреча» не передает всю глубину вопроса, а слово «возвешение» – да, поскольку слово «возвешение» распахивает – за пределами всего, о чем можно сказать, – таинственное чувство той силы, или той мощной воли, или тех мощных ума и воли, благодаря которым все и произошло, благодаря которым это присутствие есть. Почему оно есть? Слово «возвешение» ясным образом распахивает (за пределами всего, о чем можно сказать) чувство тайны Отца, чувство тайны Бога, чувство воли Отца, чувство Божия замысла, чувство, что Бог есть господин человека и истории и Он позволяет возвещению достичь меня, а других нет, других – да, а меня нет, Он решает возвестить о Себе Богородице, совершенно неизвестной девушке, ничего не значащей, с мирской точки зрения, Он ей решает возвестить о Себе, Он решает возвестить о Себе бедным рыбакам, Он решает возвестить о Себе одному, двум старейшинам народа (Никодиму, Иосифу Аримафейскому), а не тремстам другим членам Синедриона. Эта поразительная и абсолютная свобода затронула меня и каждого из вас уже потому только, что мы здесь.

В этом-то и проблема, которую я оставляю открытой, и, уходя отсюда, мы должны будем взглянуть ей в лицо: нужно осознать событие, произошедшее с нами, осознать, что означает христианство. Христианство означает это возвешение. Христианство не значит раздавать деньги бедным, христианство не значит взять к себе домой тридцать четыре чужих ребенка, христианство не значит носить тиару, христианство не значит молиться Богу, христианство не значит совершать религиозные жесты, поскольку все это как тип действия возможно в любом человеческом опыте.

Христианство – это нечто данное нам, предстающее перед нами как то, что дано, предстающее перед нами как возвешение, как непредвиденная и неожиданная действительность: его не было, и вот оно здесь, его не могло быть, и вот оно есть, есть в настоящем. Его не могло быть, и оно есть в настоящем: абсолютная новизна. Подумайте о том, что ощутили пастухи, услышав ангельскую весть, или волхвы, получив весть, знаком которой была звезда: это была радикальная новизна, новизна абсолютного порядка, ее не могло быть, и она есть, ее не могло быть, потому что мы никогда о ней не думали, не могли подумать, и вот она здесь. Христианство есть это событие, событие этого возвешения. Возвешения не столько как того, что я слышу, сколько как того, что предстает передо мной: как предложения, рода предложения, типа предложения, рода смысла, типа смысла, который доносится до меня, который предлагается, который доходит до меня через людей, вовлеченных в него, каким-то образом вовлеченных в него. Бог для определенного возвешения избрал прелюбодя, Бог для этого возвешения избрал бедных людей – апостолов, Бог для этого возвешения избрал грешников, потому что все дело в той силе, благодаря которой выявляется это событие.

Все дело в событии: не в том, кем мы являемся или можем быть с точки зрения нравственности, оно в чем-то, что лежит вне нас и предлагает себя самым нашим глубинам; однако оно вне нас: событие лежит вне нас, в точности как море в шторм. Событие вне нас, событие, являющееся возвешением, событие, которое извне, непредвиденно – этого нельзя было предвидеть – обнаруживается и входит в нас, пронизывает нас до самого основания своим предложением; и это предложение, пронизывающее нас до самого основания, вовлекает, вопреки ей самой, и ту бедную личность, что несет его. Помните ту главу у Иеремии, в которой он вдруг не выдерживает и пытается восстать против Бога (мы неоднократно о ней размышляли): «И подумал я: „не буду более говорить во имя Его, хватит; пойду прочь от лица Его и не буду более говорить во имя Его“. Но был во мне как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, и я истомился, удерживая его, и не мог. И вынужден я был пойти и вновь возопить: „Проклятие и горе тем, кто не слушает Ягве“» (ср. *Иер.* 20:9; 22:5).

Нужно было бы предать забвению прошлое, чтобы понять, что такое христианство, нужно было бы устранить все коннотации прошлого, чтобы понять, чем оно является сейчас, сейчас, сейчас. Разумеется, речь не о прошлом вчерашнего или позавчерашнего дня, поскольку христианство – это некое присутствие в твоём

существовании, присутствие, которое вовлекает жизни и других людей. Другие люди, чтобы донести до тебя определенное предложение, вовлекли свою жизнь, и это предложение требует, чтобы и ты вовлек твою. И это предложение, требующее, чтобы ты вовлек твою жизнь, полно смысла, исполнено немислимой новизны и гарантирует невообразимое, непредставимое изменение.

Первое, что мы должны начать обтесывать в нас, «очищать» от наслоившейся оболочки, чтобы увидеть дар, находящийся под ней, чтобы открыть ясное лицо, сокрытое внутри, первое, чему мы должны начать смотреть в глаза, – эта в высшей степени живая, присутствующая реальность, какой является христианство.

Христианство есть возвешение, феномен, в силу которого отдельные люди, человек (подумайте о Христе) самим способом бытия, вовлечением своей жизни несет предложение, стремящееся изменить твою жизнь: такое притязание может существовать только благодаря совершенно новому смыслу. Какие горы отбросов нужно вымести с поверхности (и глубоко из-под нее) нашего сознания, нашей души, нашего ума, нашей чувствительности, чтобы начать путь в направлении того, эхом чего начинает отзвучиваться это слово, экзистенциальная реальность, описываемая словом «возвешение», эхом чего оно стремится быть! Какое нагромождение отбросов, какую корку нужно разбить! И поэтому любая позиция любопытства, позиция, имеющая в себе интеллектуальное любопытство, не позволяет понять. Понимание возможно только благодаря нищете духа, той нищете духа, которая порождает в нас вопль: «Отче, яви мне лицо Твое!» (ср. *Пс.* 26:8–9) – той нищете духа, которая порождает в нас вопль: «Жаждет душа моя к Богу живому» (ср. *Пс.* 41:3). Нужно, чтобы эти слова были оголены, нужна искренность этих слов, совершенная чистота этих слов, которые могут оставаться ясными под каким угодно злом, под каким угодно грехом, под любым бесчестьем и которых может не быть, не существовать в безукоризненной душе фарисея, в нравственно безупречной душе фарисея.

Когда сегодня вечером, прежде чем прийти сюда, я думал: «Я должен пойти туда и говорить все это», – в моем решении согласиться на такую неблагодарную задачу меня, с человеческой точки зрения, поддержала исключительно одна мысль: эти слова, это слово или слова, подобные этим, нужно бросать, даже если кажется, будто они отскакивают, как от камня, или скатываются, как по мрамору; их нужно бросать, поскольку лишь упорство в пути раскрывает их, распахивает их и позволяет их силе, их значению захватить нас, целиком и полностью овладеть нами. Однако это упорство может осуществиться в нас, может существовать в нас лишь при условии совместной жизни: именно совместная жизнь обеспечивает упорство, только совместная жизнь.

Крайне необходимо, чтобы завершился один период и начался другой: окончательный, зрелый. Слово «возвешение» лежит у истоков нашего зрелого христианства, или христианства, и это то, что способно сдерживать удар времени, и более того – удар всей истории, поскольку возвешение, которое начало поражать двоих людей (первая глава Евангелия от Иоанна), двоих, Иоанна и Андрея, две тысячи лет назад, то возвешение, тот человек есть феномен, привлекший и нас сюда, и благодаря этому феномену мы можем оставаться в Церкви Божией. Но сейчас его уже более нельзя принимать пассивно, времена нам этого не позволяют. Два времени: время истории («знамения времени») и время нашей жизни, потому как нельзя оставаться хоть в какой-то степени взрослыми христианами, если не переживать опыт этого события, если не осознавать возвешение. И в первую очередь, разумеется, нельзя было бы быть возвешением для других, то есть нельзя было бы поддерживать Тайну Христа в мире, соработничать с ней, распространять, как говорится, христианство в мире.

Быть верными Церкви, принадлежать Богу в борьбе, разворачивающейся в мире, невозможно, невозможно по сути быть миссионерами, если постоянно не жить возвешением, а значит, если и не участвовать в нем. Многие подумают, что это не так. Я же говорю вам да, нужно радикальное изменение: я не говорю, что в конце концов, в конечном итоге, непременно должно измениться наше поведение, я говорю об изменении нашего сознания, нашей сознательности, того, как мы определяем вещи, и потому развития нашего поведения. Ибо развитие нашего поведения, новое созидание, опирающееся на настоящее, может произойти только за счет ясно выраженного сознания, за счет оформленной сознательности. Я говорю вам о радикальном изменении нашего сознания, нашего образа мыслей, нашего подхода к вещам, о радикальном изменении, которое должно произойти, которое происходит благодаря слову «возвешение».

Хулиан Каррон

Неплохая встряска! Как тут не остаться в молчании и не просить, чтобы слова, которые мы услышали и которые в нем и в нас отзываются разным эхом, которые часто остаются для нас чем-то внешним, – как не просить, чтобы они стали нашими! У нас будет время, чтобы впустить в себя это молчание и поработать над тем, что мы услышали. Через пятьдесят лет еще больше поражает тот факт, что в момент всеобщей растерянности у Джуссани было столь ясное суждение о ситуации, в которой находились Церковь и мир, и о том, каким должен быть ответ.

Что способно устоять в такой ситуации, как сегодняшняя? Единственное, что способно устоять, как мы слышали, – возвешение, которое начало разноситься эхом, когда Иисус обратился к тем двоим, к Иоанну и Андрею, произведя впечатление, притянувшее их. Лишь повторение этого впечатления позволит нам в долгосрочной перспективе оставаться в Церкви Божией. Выдержать возможно будет только за счет обновления той же самой притягательности. Вот почему отец Джуссани напоминал нам об извечном методе, существующем с первого момента и по сей день, напоминал, вновь задавая нам вопрос о том, как все началось. Как люди начали верить? Это все равно что спросить: а как можем продолжать верить мы? «Они поверили из-за присутствия. ...это было присутствие с очень конкретным лицом, присутствие, исполненное слова, то есть исполненное предложения». Присутствие Иисуса несло в себе возвешение. Но «присутствие, несущее в себе предложение, есть возвешение, полное смысла... в той мере, в какой вовлекает в этот смысл человека, который его, смысл, несет». Иными словами, возвешением, присутствием является свидетель, в котором слово стало плотью, частью его самого.

Поэтому-то Джуссани в заключение говорил: «Необходимо, чтобы завершился один период и начался другой: окончательный, зрелый. <...> Но сейчас [христианство] уже более нельзя принимать пассивно... потому как нельзя оставаться хоть в какой-то степени взрослыми христианами, если не переживать опыт этого события, если не осознавать возвешение».

Так как же событие становится для каждого из нас опытом, как оно доходит до самого нутра нашего «я»? Об этом напомнил нам тот же Джуссани: только в процессе терпеливого пути, благодаря которому то, что достигло нас, сможет в конечном итоге определять нас целиком и полностью. Именно к этому призывает нас отец Джуссани: к «упорству в пути», без которого думать, будто событие станет нашим опытом, – всего лишь заблуждение.

Попросим у Господа вновь позволить нам до глубины души пережить то событие, ту новизну, что достигли нас, чтобы начало никогда не превратилось в явление прошлого. Станем в этот момент замешательства, царящего в том числе и в Церкви, испрашивать благодать осознания ответственности, возложенной на нас, естественно не по нашим заслугам, а в силу того, что мы получили, метода, посредством которого христианское возвешение во всей своей значимости может войти в жизнь каждого из нас до такой степени, что вовлечет всю нашу личность, то есть будем просить о событии здесь и сейчас, о свидетелях, какими являются отец Джуссани и папа Франциск.

Святая месса

Проповедь отца Хулиана Каррона

Литургия Слова:

Числ. 11:25–29; Пс. 19; Иак. 5:1–6; Мк. 9:38–43, 45, 47–48

Как мы говорили на упражнениях Братства, инициативу всегда предпринимает Бог. И сегодняшняя литургия еще раз это подтверждает: чтобы спасти Свой народ, Бог предпринимает инициативу в отношении одного человека – Моисея. Однако сразу же задействует и других: Дух, полученный Моисеем, почил еще семидесяти мужах, дабы и те могли передавать то, что дано Моисею. И этот первый шаг был лишь предвестием великой инициативы, которую Бог предпримет впоследствии, послав Своего Сына ради совершения усилий Моисея. Так дар, принесенный Иисусом в историю, достигает первых, с кем Он встретился, – апостолов.

Нам хорошо знаком этот метод Бога. Собственно, благодаря тому же самому порыву Духа мы сейчас здесь: продолжая прибегать к этому методу, Тайна предприняла инициативу в отношении одного человека – отца Джуссани, даровав ему благодать Духа, чтобы она могла дойти и до нас с той интонацией и с той силой, которые мы только что вместе услышали в его словах, чтобы она могла дойти до нас с той насыщенностью, которая позволила всем нам заинтересоваться христианством и таким образом участвовать в Его Духе, в Его даре, в Его благодати. Трогательно видеть, что методом отмечено не только начало минувшей истории: через него и в настоящем осуществляется усердная забота Бога о нас.

Однако, не осознавая этот дар во всей его безвозмездности, мы рискуем сразу же попытаться присвоить его, о чем говорилось в сегодняшнем первом чтении. Поскольку Дух, бывший на Моисее, почил и на двух мужах, не присутствовавших с остальными, Иисус Навин, увидев, как они пророчествуют, пошел к Моисею и сказал: «Господин мой Моисей, запрети им!» Но Моисей ответил ему: «Не ревнуешь ли ты за меня?» То же, согласно Евангелию, случилось и с учениками Иисуса: «Учитель! мы видели человека, который именем Твоим изгоняет бесов, а не ходит за нами; и запретили ему, потому что не ходит за нами», – то есть потому, что он не принадлежит к их кругу. Сначала Моисей, а потом и Иисус отвергают подобную позицию закрытости. Моисей сказал: «О, если бы все в народе Господнем были пророками, когда бы Господь послал Духа Своего на них!» Иными словами: «Неужели вы не понимаете, что Бог даровал мне Духа Своего, чтобы Тот достиг всех?» Так же поступает и Иисус с учениками: «Не запрещайте ему, ибо никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня. Ибо, кто не против вас, тот за вас».

Иисус разоблачает искушение, в силу которого мы обращаем полученный нами дар в предмет обладания и используем его как некое «имущество», забывая, что он был дан нам безвозмездно, забывая, помимо всего прочего, саму природу харизмы, благодати Духа: она дается для всех, дается одному человеку, чтобы достичь всех в соответствии с замыслом, принадлежащим не нам. Поэтому-то Иисус, так же, как Моисей и все те, на ком действительно почил Дух, исправляют нас в наших попытках относиться к полученной благодати как к имуществу. Так исправлял нас и отец Джуссани.

Слушая сегодняшние чтения, мы чувствуем, как отзывается в нас следующая фраза отца Джуссани: «Нужно подчеркивать положительное, несмотря на его ограниченность, а все остальное предавать милосердию Отца» (L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Milano: Rizzoli, 1998. P. 159). Не мы определяем способ действия Духа. Дух дышит, где хочет, в том числе и вне Церкви, как сама Церковь всегда утверждала, а значит, Он дышит и вне нашего круга! Каким же вниманием нужно обладать, какое нужно стремление признать любой порыв духа и пойти за Ним, в ком бы Он Себя ни являл, чтобы и эти люди становились нашими попутчиками, «ибо кто не против нас, тот за нас» и с нами. «И кто напоит вас чашею воды во имя Мое, потому что вы Христовы... не потеряет награды своей».

Вместо того чтобы пытаться управлять действием Духа, давайте будем заботиться о нашем обращении, дабы никто из нас не сделался причиной соблазна. «Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновный камень на шею и бросили его в море». Мы призваны жить полученным даром, устраняя с пути все, что этому препятствует (в том числе, говорит Иисус, руку, или ногу, или глаз, если таковые вводят в соблазн), чтобы дар этот смог воссиять. Какое же чувство несоразмерности мы испытываем перед ним! Однако, действительно начиная осознавать несоразмерность, мы не можем не просить, чтобы полученная нами благодать (полученная нами для всех как первый задаток замысла, осуществляющегося в нас ради других) могла сиять все ярче перед всеми и чтобы мы никого не вводили в соблазн «странным», собственническим или ошибочным применением полученной благодати.